

Книга времени

Линия разлома

Современный роман

Yuai Choksahwat

18+

Юай Чоксахват
Линия разлома

«Автор»

2026

Чоксахват Ю.

Линия разлома / Ю. Чоксахват — «Автор», 2026

Он приезжает домой с новыми убеждениями и холодной уверенностью, что старый мир устарел. Отец любит сына, но не узнаёт его языка. Друзья спорят до боли, а тишина между поколениями говорит громче крика. На фоне провинциальной жизни — охота, бал, случайная любовь и встреча, которая меняет всё. Каждый уверен, что правда на его стороне, пока жизнь не ставит вопрос жёстче любой теории. «Линия разлома» — роман о семье, идеях и цене равнодушия, которое маскируется под силу.

© Чоксахват Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Линия разлома	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юай Чоксахват Линия разлома

Линия разлома

Yuai Choksahwat

Серия «Книга времени»

Приятного чтения!

Виктор Петрович

Городские Ветры

Посвящается памяти

Александра Ивановича Краснова

I

– Не видать еще? – спросил 20 мая 2023 года, выйдя без шапки на небольшую веранду гостиницы на *-ской улице, мужчина лет сорока в запыленном пальто и клетчатых брюках. Он обращался к своему молодому слуге, Петру, который был щекастым парнем со светлой щетиной на подбородке.

Петр, весь во власти современности: сережка в ухе, аккуратная стрижка с разноцветными прядями и вежливые жесты, ответил взглядом, оглядев дорогу: «Нет-с, не видать».

– Не видать? – переспросил мужчина.

– Нет, не видать, – повторил Петр.

Виктор Петрович вздохнул и уселся на скамеечку. Пока он сидел, подтянув ноги к себе и задумчиво оглядываясь по сторонам, давайте познакомимся с ним поближе.

Виктор Петрович был человеком своего времени, но его взгляды отличались от тех, кто окружал его. Он ждал важного человека, который должен был приехать из другого города, и его ожидание было наполнено тревогой и надеждой.

Зовут его Сергеем Ивановичем Соколовым. У него в тридцати километрах от города небольшая усадьба с современной фермой и двумя тысячами гектаров земли. Отец Сергея, участник войны 1812 года, был полковником и всю жизнь провел в военной службе. Сергей Иванович родился на юге России, как его старший брат Петр, о котором будет сказано позже. Воспитывался он до четырнадцати лет дома, окруженный учителями и офицерами из гарнизона. Мать Сергея Ивановича, Евдокия Степановна, была дочерью богатого помещика и отличалась жизнерадостностью: носила шляпки с цветными лентами, говорила громко и много. Она позволяла детям участвовать в церковных службах и благословляла их перед сном.

Во время службы Сергей Иванович получил прозвище «трусиска», хотя он был не храбрее других. Но в день, когда ему должны были сообщить о назначении на военную службу, он сломал ногу и провел два месяца в постели. Отец решил отправить его учиться в университет после восстановления здоровья. Вскоре брат Петя вышел офицером в гвардейский полк.

Сергей Иванович переехал в Петербург, где жил с братом и под присмотром двоюродного дяди, Сергея Колязина, важного чиновника. Отец их вернулся к своей части и лишь изредка отправлял письма на почтовых картах с размашистым почерком: «Иван Соколов, полковник». В 1835 году Сергей Иванович окончил университет и стал кандидатом. Отец уволился в отставку из-за неудачного смотра и приехал в Петербург со своей женой. Они жили недолго: полковник скончался вскоре после переезда, а Евдокия Степановна последовала за ним через несколько месяцев.

Между тем Сергей Иванович встретил Анну Преполовенскую, дочь их арендодателя. Она была образованной женщиной, читавшей серьезные статьи в журналах. Они поженились сразу

после траура и уехали на дачу неподалеку от Лесного института. Через некоторое время они переехали обратно в город, где жили спокойной жизнью: читали книги вместе, играли на пианино и пели дуэты. Сергей Иванович занимался хозяйством, а Анна ухаживала за цветами и птицами.

В 1847 году скончалась Анна Соколова. Сергей Иванович едва пережил эту потерю и поседел в считанные недели. Он собирался отправиться за границу, но из-за событий 1848 года был вынужден остаться в России. Вернувшись домой, он занялся модернизацией хозяйства.

В 1855 году Сергей Иванович повез сына Владимира в университет и прожил с ним три зимы в Петербурге, стараясь завести знакомства со студентами. В последнюю зиму он не смог приехать: у него была сложная болезнь. Когда Владимир окончил университет в 1859 году, отец уже был совсем седым и немного сгорбленным. Он ждал сына, который получил звание кандидата как некогда сам Сергей Иванович.

Так прошло десять лет спокойной жизни Сергея Ивановича Соколова с его сыном Владимиром.

В подъездной дорожке перед домом Ивана Сергеевича стоял его слуга, Сергей, который решил прятаться от палящего солнца и закурил сигарету. Иван Сергеевич опустил голову, начал рассматривать старые каменные ступени крыльца: на них бодро шагал пестрый цыпленок, а рядом недружелюбно смотрела запачканная кошка. От подъезда тянуло теплым хлебом и свежим чаем.

Иван Сергеевич задумался: «Сын... кандидат... Степан...» – эти мысли крутились у него в голове, как только он пытался отвлечься. Вспомнилась ему покойная жена и он прошептал тоскливо: «Не дождалась».

Вдруг из-за дома показался голубь, который быстро направился к лужице у колодца.

– Они уже едут! – доложил Сергей, вынырнув из подъезда.

Иван Сергеевич вскочил и стал смотреть по дороге. Вдалеке показалась машина, запряженная тройкой лошадей; в ней мелькала фуражка студента, знакомый силуэт...

– Степан! Степан! – закричал Иван Сергеевич и бросился к сыну, маша руками. Через несколько секунд его губы уже прильнули к лицу молодого кандидата.

II

– Позволь мне отряхнуться, папаша, – сказал Степан сильным голосом после долгой дороги, но звонким юношеским тоном. Он весело ответил на ласки отца и тотчас же начал его обнимать.

– Все в порядке, все хорошо, – улыбнулся Иван Сергеевич, поглаживая сына по плечам и спине. – Покажи-ка себя, покажи-ка, – добавил он, отодвигаясь, и тотчас же пошел торопливыми шагами к дому, приговаривая: «Вот сюда, вон туда».

Иван Сергеевич казался гораздо более встревоженным, чем его сын; он словно потерялся немного, словно робел. Степан остановил отца.

– Папаша, – сказал он, – позволь представить тебе моего друга, Евгения Васильевича а, который часто упоминается в моих письмах. Он согласился остаться с нами.

Иван Сергеевич быстро обернулся и подошел к высокому молодому человеку, только что вышедшему из кареты. Он крепко пожал руку а, который не сразу протянул свою красную, обнаженную руку.

– Душевно рад, – начал Иван Сергеевич, – и благодарен за доброе намерение посетить нас; позвольте узнать ваше имя?

– Евгений Васильевич, – отвечал тот лениво, но мужественным голосом. Он поднял воротник своего балахона и показал свое лицо: длинное, худое, с широким лбом, плоским носом книзу заостренным, большими зеленоватыми глазами и висячими песочными бакенбардами. Оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум.

— Надеюсь, Евгений Васильевич, что вы не соскучитесь здесь, — продолжил Иван Сергеевич.

Сергей Иванович недовольно нахмурился, но ничего не ответил и лишь слегка поднял свою кепку. Его светло-русые волосы, длинные и густые, открывали вид на выпуклости его крупного черепа.

— Ну так как же, Саша, — начал говорить опять Михаил Иванович, оборачиваясь к сыну, — сейчас лошадой закладывать? Или вы хотите передохнуть?

— Дома отдохнём, папаша; вели закладывать.

— Сейчас, сейчас, — подхватил Михаил Иванович. — Эй, Ваня, слышишь? Поторопись с этим делом.

Ваня, который в роли усовершенствованного слуги не приблизился к ручке барина, а лишь издали поклонился ему, снова скрылся за дверью.

— У меня тут коляска, но и для вашего экипажа есть тройка, — хлопотал Михаил Иванович, в то время как Саша пил воду из железного ковшика, принесенного хозяйкой гостиницы, а Сергей закурил трубку и подошёл к ямщику, который отпрягал лошадей.

— Я здесь с коляской, но и для твоего экипажа есть тройка. Только коляска двухместная, и вот я не знаю, как твой приятель...

— Он в экипаже поедет, — перебил Саша шёпотом. — Ты с ним, пожалуйста, не церемонься. Он замечательный парень, такой простой — ты увидишь.

Кучер Михаила Ивановича вывел лошадей.

— Ну, поворачивайся, толстобородый! — обратился Сергей к ямщику.

— Слышь, Петруха, — подхватил другой ямщик с руками в задних прорехах пальто, — барин-то тебя как назвал? Толстобородый и есть.

Петруха только шапкой тряхнул и потащил вожжи с потной коренной.

— Живей, живей, ребята, подсобляйте! — воскликнул Михаил Иванович. — На водку будет!

В несколько минут лошади были заложены; отец с сыном поместились в коляске; Ваня взобрался на козлы; Сергей вскочил в экипаж и уткнулся головой в кожаную подушку — оба экипажа покатились.

III

— Ну вот как, наконец ты домой приехал, — говорил Михаил Иванович, потрогивая Сашу то по плечу, то по колену. — Наконец!

— А дядя здоров? — спросил Саша, которому несмотря на искреннюю радость хотелось перевести разговор с взволнованного состояния на обыденное.

— Здоров. Он хотел было выехать ко мне навстречу, но почему-то передумал.

— А ты долго меня ждал?

— Да часов около пяти.

— Добрый папаша!

Саша живо повернулся к отцу и звонко поцеловал его в щеку. Михаил Иванович тихонько засмеялся.

— Какую я тебе славленную лошадь приготовил! — начал он, — ты увидишь. И комната твоя оклеена обоями.

— А для Сергея комнату найдётся?

— Найдётся и для него.

— Пожалуйста, папаша, приласкай его. Я не могу тебе выразить, до какой степени я дорожу его дружбой.

— Ты недавно с ним познакомился?

— Недавно.

— То-то прошлой зимой я его не видал. Он чем занимается?

— Его главный предмет — естественные науки. Да он всё знает. В будущем году хочет доктора стать.

— А! Он по медицинскому факультету, — заметил Михаил Иванович и помолчал. — Ваня, — прибавил он и протянул руку, — это наши мужики едут?

Денис посмотрел туда, куда указал отец. Несколько грузовиков с расшнурованными колесами быстро двигались по узкой трассе. В каждом из них находились мужчины в зимних куртках и шапках.

— Вот так-с, — сказал Денис.

— Куда они едут? В город?

— Вероятно, в город. Может быть, в кафе, — добавил он с презрением и слегка наклонился к шоферу, как бы обращаясь к нему за подтверждением. Но тот даже не пошевелился: это был человек старой закалки, который не разделял новые идеи.

— У меня большие проблемы с мужиками в этом году, — продолжил Николай Петрович, обращаясь к сыну. — Они не платят оброк.[4 - Оброк — более прогрессивная по сравнению с барщиной денежная форма эксплуатации крестьян.] Что будешь делать?

— А что насчет твоих наемных работников?

— Да, — процедил сквозь зубы Николай Петрович. — Их подбивают; настоящего старания все еще нету. Сбрую портят. Но пахали вроде ничего. Перемелется — мука будет. А тебе хозяйство интересен?

— У вас нет тени, вот что горе, — заметил Денис, не ответив на последний вопрос.

— Я прикрепил большую маркизу над балконом с северной стороны, — сказал Николай Петрович. — Теперь можно обедать под открытым небом.

— Это как дача получается... Впрочем, это все пустяки. Какой воздух здесь! Как славно пахнет! Мне кажется, нигде в мире так не пахнет, как здесь!

Денис внезапно замолчал и бросил взгляд назад.

— Конечно, — заметил Николай Петрович, — ты родился здесь, тебе все должно казаться особенным...

— Ну, папаша, это все равно где бы человек ни родился.

Николай Петрович посмотрел на сына и коляска проехала полверсты прежде чем разговор возобновился.

— Не помню, писал ли я тебе, — начал Николай Петрович. — Твоя бывшая нянька, Егоровна, умерла.

— Неужели? Бедная старуха! А Прокофьич жив?

— Жив и ничего не изменился. Все так же брюзжит. В общем, в Марьине мало что изменилось.

— Приказчик у тебя все тот же?

Вот уже несколько месяцев я решил отказаться от найма бывших дворовых людей на должности управляющих моим хозяйством. Вместо этого нанял местного жителя — он кажется вполне надежным человеком, хотя и не из высшего общества. Мне пришлось предложить ему зарплату в размере двухсот пятидесяти рублей ежегодно.

— Я хотел бы сказать тебе правду, — начал Николай Петрович, потирая лоб рукой, что всегда служило у него сигналом внутреннего смущения. — В Марьине произошли определенные изменения, которых ты мог не ожидать.

Он замолчал на мгновение и продолжил уже по-французски:

— Строгий моралист найдет мою откровенность неприемлемой, но это невозможно скрыть. Впрочем, ты знаешь, у меня всегда были особенные принципы в отношении отношений между отцом и сыном. К тому же, я думаю, тебе уже известно о девушке по имени Лена.

— Ты имеешь в виду ту самую? — спросил с легкой насмешкой.

Несмотря на столь прямой вопрос, Николай Петрович лишь покраснел и продолжал:

— Её зовут Лена. Она живет у меня в доме, в двух небольших комнатах. Но если ты будешь приглашать своих друзей... это может быть неприятно.

— Папаша, зачем же тебе беспокоиться? — возразил . — человек вполне благородный и не станет обращать внимания на подобные мелочи.

— Да уж, ты уже взрослый, — проговорил Николай Петрович с некоторым раздражением. — Старый флигель совсем ветхий.

— Папаша, пожалуйста, не извиняйся так! — ласково улыбнулся своему отцу. Он думал: «В чем он извиняется?» В его сердце пробудилось чувство снисходительной нежности к мягкому и добродушному папе, смешанное с ощущением своего превосходства.

— Перестань, пожалуйста, — повторил он еще раз, наслаждаясь осознанием своей развитости и свободы. Николай Петрович глянул на сына из-под руки, которой продолжал тереть лоб, и что-то кольнуло его в сердце.

— Вот мы уже подъезжаем к полям, — сказал он после долгого молчания.

— А это не наш лес? — спросил , глядя вперед.

— Да, но я продал его этим летом. В этом году его вырубят.

— Зачем же ты отдал его?

— Необходимость требовала денег; к тому же земля эта переходит под контроль крестьян.

— Которые тебе не платят оброк?

— Это их дело, но они будут платить в ближайшее время.

— Жаль леса, — заметил и стал смотреть вокруг.

Местность, которую они проезжали, оставляла желать лучшего. Поля растянулись до самого горизонта, с легкими возвышениями и небольшими лесами; кое-где виднелись заросли кустарника и глубокие овраги, напоминающие старинные карты времен Екатерины. Маленькие речушки с обмытыми берегами пересекали пейзаж, а также прудики с худыми плотинами и маленькие деревни с низкими избами под разрушенными крышами. Сарай для молотьбы стояли криво, их стены были сплетены из веток, а ворота без створок у вакантных гумен. Церкви также выглядели плачевно: то кирпичные с отвалившимися штукатурками, то деревянные с наклонившимися крестами и разоренными кладбищами.

Сердце Сергея постепенно сжималось. Люди встречались в плохих одеждах на худых лошадях; ракиты у дорог были ободраны, а коровы изнурены и голодны. Все это казалось как будто они только что вышли из-под власти страшного зла – и возникал образ холодной безрадостной зимы с метелями и морозами. «Нет, этот край беден», — подумал Сергей, — «ни довольствия, ни трудолюбия здесь нет; нужно что-то менять... но как это сделать?»

Так размышлял он, пока весна не начала свое торжество. Все вокруг стало зеленым и мягким: деревья, кусты и трава волновались под теплым ветром. Жаворонки заливались песнями, чибисы летали над низменными лугами, а грачи чернели на фоне молодой зелени. Сергей смотрел, и его мысли постепенно исчезли.

— Теперь недалеко до дома, — заметил отец, Николай Петрович. — Поднимемся на эту горку, и дом будет виден. Мы будем жить хорошо, Сергей; ты мне помогать будешь по хозяйству, если тебе это не наскучит.

— Конечно, — ответил Сергей. — Но какой чудесный день сегодня!

— Для твоего приезда, мой друг. Да, весна в полном блеске. А впрочем, я согласен с Пушкиным – помнишь ли ты «Евгения Онегина»?:

Как грустно мне твое явленье,

Весна, весна, пора любви!

Какое...

— Сергей! — раздался голос Ивана из кареты. — Подай спичку, у меня нет ничего для курева.

Сергей вытащил пачку зажигалок и протянул одну из них через окно тарантаса. Ветер трепал его волосы, а вокруг все еще раздавались весенние песни птиц.

Алексей Петрович замолчал, а Денис, который начал было слушать его с некоторым изумлением и сочувствием, быстро достал из кармана зажигалку и протянул её Сергею.

— Ты хочешь сигарету? — закричал опять Сергей.

— Да, давай, — ответил Денис.

Пётр вернулся к машине и вручил ему вместе с зажигалкой пачку толстых черных сигарет. Денис немедленно закурил одну из них, распространяя вокруг себя такой крепкий запах дешёвого табака, что Алексей Петрович, никогда не куривший, невольно отводил нос.

Через четверть часа обе машины остановились перед крыльцом нового деревянного дома, выкрашенного серой краской и покрытого красной железной крышей. Это было Красный Хутор, старая слободка или, по местному названию, Бобыльский Двор.

Толпа дворовых не высыпала на крыльцо встречать хозяев; показалась всего одна девочка лет двенадцати, а вслед за ней вышел из дома молодой парень, очень похожий на Петра. Он был одет в серую ливрейную куртку с белыми пуговицами и представлял собой слугу Павла Петровича Кирсанова. Молча отворив дверь машины, он помог выйти из неё Сергею.

Алексей Петрович с сыном и Сергеем отправились через темную и почти пустую залу, где мелькнуло молодое женское лицо за дверью, в гостиную, убранную уже по последней моде.

— Вот мы и дома, — промолвил Алексей Петрович, снимая шляпу и встряхивая волосами. — Главное, теперь надо поужинать и отдохнуть.

— Поесть действительно не помешает, — заметил Сергей, потягиваясь и опускаясь на диван.

— Да, да, ужин давайте скорее. — Алексей Петрович начал нетерпеливо ходить по комнате. — Вот кстати и Прокофьич.

Вошёл человек лет шестидесяти, беловолосый и смуглый, в коричневом фраке с медными пуговицами и розовом платочке на шее. Он улыбнулся, подошел к рукаву к Денису и поклонился гостю.

— Вот он, Прокофьич, — начал Алексей Петрович, — приехал наконец... Что? как ты его находишь?

— В лучшем виде-с, — проговорил старик, снова улыбнувшись, но тотчас же нахмурил свои густые брови. — На стол накрывать прикажете?

— Да, да, пожалуйста. Но не пройдёте ли вы сперва в свою комнату, Евгений Васильевич?

— Нет, благодарю вас, это не нужно. Просто возьмите мой чемодан и одежду, — добавил он, снимая балахон.

— Очень хорошо. Прокофьич, возьми же шинель Сергея. (Прокофьич, как бы с недоумением, взял обеими руками скую «одежду» и удалился на цыпочках.) А ты, Денис, пойдёшь к себе на минутку?

Да, пора переодеться, — сказал Андрей и направился к двери, но тут в гостиную вошёл среднего роста мужчина в темном английском костюме, низком модном галстуке и лаковых полусапожках. Это был Пётр Иванович Ковалевский, которому было около сорока пяти лет. Его коротко остриженные седые волосы отливали темным блеском, как новое серебро; лицо его, худошавое и без морщин, с правильными чертами и чистым лбом, казалось вырезанным тонким резцом. Его облик — изящный и элегантный — сохранил юношескую стройность и стремление вверх, которое обычно исчезает после двадцатых лет.

Пётр Иванович достал из кармана свою красивую руку с длинными розовыми ногтями. Рукав его белого жилета был застегнут крупным опалом, и он протянул эту руку племяннику.

После европейского рукопожатия «shake hands», он трижды по-русски поцеловался с ним, прикоснувшись своими душистыми усами к его щекам.

— Добро пожаловать, — сказал Пётр Иванович.

Николай Петрович представил его Вадиму. Тот слегка поклонился и улыбнулся, но не протянул руки.

— Я уже думал, что вы сегодня не приедете, — начал он с приятным голосом, покачиваясь на каблуках и показывая свои белые зубы. — Не случилось чего-нибудь по дороге?

— Ничего особенного, — ответил Андрей. — Мы просто задержались немного. Теперь мы очень голодны.

— А ну-ка поторопи Прокофьяча, отец! Я сейчас вернусь.

— Подожди, я с тобой пойду! — воскликнул Вадим и встал со дивана.

Оба молодых человека вышли из комнаты.

— Кто этот? — спросил Пётр Иванович.

— Приятель Андрея, очень умный человек, по его словам.

— Он будет гостить?

— Да.

— Этот волосатый?

— Ну да.

Пётр Иванович постучал ногтями по столу.

— Я вижу, что Андрей стал более развязным. — заметил он. — Рад его видеть.

За ужином разговоры были скудными. Максим почти ничего не говорил, но много ел. Сергей Петрович рассказывал о своей жизни в деревне, обсуждал предстоящие изменения в правительстве и необходимость развития инфраструктуры. Павел Петрович медленно ходил по столовой (он никогда не ужинал), изредка отпивая из рюмки красного вина и произнося короткие восклицания типа «а! эге! гм!». Алексей сообщил несколько новостей из Москвы, но чувствовал некоторую неловкость: он уже не был ребенком, а здесь все привыкли видеть его таким. Он растягивал свою речь и старался избегать слова «папаша», заменив его на «отец» с явным недовольством. Слишком много вина он налил себе в стакан, но выпил все до конца.

Прокофьевич не сводил глаз с Алексея и только жевал губами.

После ужина все разошлись по своим комнатам.

— У твоего дяди странная манера вести себя, — заметил Максим Алексею, сидя в халате возле его кровати и затягиваясь трубкой. — В деревне носить такие шляпы да еще щеголять!

— Он был когда-то настоящим львом, — ответил Алексей. — Я тебе расскажу про него историю. Он тогда был красавцем и многих женщин покорял.

— Да, я вижу, что это старое воспоминание! Здесь уже некому его покорять. Видел, какие у него необычные воротники — точно каменные, и подбородок аккуратно выбрит. Алексей Николаевич, ты согласен со мной?

— Может быть; только он хороший человек.

— Архаическое явление! А твой отец замечательный малый. Он стихи читает напрасно и в хозяйстве разбирается слабо, но добряк.

— Отец у меня золотой человек.

— Заметил ли ты, что он немного робеет?

Алексей кивнул головой, как будто сам не испытывал подобного чувства.

— Эти старые романтики! — продолжал Максим. — Они развивают нервную систему до износа... равновесие нарушается. Ну что ж, прощай! У меня в комнате английский рукомоиник, а дверь не запирается. Все-таки это поощрять надо – английские рукомоиники, то есть прогресс!

Максим ушел, и Алексей ощутил радостное чувство. Сладко засыпать в родном доме, на знакомой кровати, под одеялом, над которым трудились любимые руки, возможно, руки

нянюшки — те ласковые и добрые руки. Алексей вспомнил Егоровну, вздохнул и пожелал ей царствия небесного... О себе он не молился.

На следующее утро Алексей раньше всех проснулся и вышел из дома. «Что за местечко», — подумал он, оглядевшись вокруг. Когда Дмитрий Петрович разделил свои земли с крестьянами, ему пришлось отвести десять десятин ровного и голого поля для новой усадьбы. Он построил дом, службы и ферму, выкопал пруд и два колодца; но молодые деревья плохо развивались, в пруде воды почти не было, а колодцы оказались соленоватыми. Лишь беседка из сирени и акаций разрослась хорошо. В ней иногда пили чай и обедали.

Алексей быстро обошел все дорожки сада, заглянул на коровник и конюшню, нашел двух мальчишек и сразу завязал с ними знакомство. Он отправился вместе с ними в небольшое болотце, верстах в полутора от усадьбы, за лягушками.

— Зачем тебе нужны лягушки, барин? — спросил один из мальчиков.

— Вот зачем, — ответил Алексей, обладавший особой способностью вызывать доверие у простых людей, хотя он никогда не потакал им и обращался с ними довольно холодно. — Я распластую лягушку и посмотрю, что внутри у нее происходит; а так как мы с тобой те же лягушки, только ходим на двух ногах, я буду знать, что происходит внутри нас.

— Зачем тебе это?

— Чтобы не ошибиться, если ты заболеешь и мне придется тебя лечить.

— Разве ты врач?

— Да.

— Степа, барин говорит, что мы с тобой те же лягушки. Чудно!

Вася, семилетний мальчик с белокурыми волосами и босыми ногами, стоял у озера.

— Мне страшно от этих лягушек, — сказал он.

— Чего тут бояться? Они же не кусаются.

— Ну что ж, философы, давайте окунемся в воду, — заметил Кирилл.

Между тем Иван Петрович проснулся и направился к Стасу, который уже был одет. Отец и сын вышли на открытую веранду под навес маркизы. На столе возле перил стоял самовар, а вокруг него были разложены большие букеты сирени. Внезапно появилась девочка, та самая, что встретила приезжих на крыльце вчера.

— Федосья Николавна не совсем здоровы и не смогут прийти, — сказала она дрожащим голосом. — Они попросили вас спросить: хотите ли вы сами разлить чай или я прислать Дуняшу?

— Я сам разолью, — поспешил ответить Иван Петрович.

— Сливками пьешь? — спросил он у сына.

— Со сливками, — ответил Стас. Немного помолчав, он добавил: — Папаша?

Иван Петрович недоуменно посмотрел на сына.

— Что такое? — спросил он.

Стас опустил глаза.

— Извини, папаша, если мой вопрос покажется тебе неуместным. Ты сам вчера был так откровенен со мной... ты не сердись?

— Говори дальше, — сказал Иван Петрович.

— Я спрашиваю тебя только потому, что хочу знать: Феня не пришла разливать чай из-за меня?

Иван Петрович отвел взгляд.

— Возможно, она считает это неприемлемым... Она стыдится...

Стас быстро взглянул на отца.

— Напрасно ей стыдиться. Во-первых, ты знаешь о моих убеждениях (Стасу было приятно произнести эти слова), а во-вторых — я не позволю своей жизнью или привычками ограничивать ее свободу. К тому же уверен, что выбор ей был сделан правильно; если ты позволил

ей жить с тобой под одной крышей, значит она этого заслуживает: в любом случае, сын не должен судить отца.

Голос Стаса дрожал сначала, но потом его слова стали более уверенным и решительным.

— Спасибо за понимание, Стася, — глухо сказал Иван Петрович. Его пальцы опять начали тереться по бровям и лбу. — Твои предположения действительно справедливы. Конечно, если бы эта девушка не стоила того... Это не легкомысленная прихоть. Мне нелегко говорить об этом с тобой; но ты понимаешь, что ей было трудно прийти к вам в первый день твоего приезда.

— В таком случае, я сам пойду к ней и объясню, что ей нечего стесняться меня, — воскликнул Стас с новым приливом великодушных чувств и вскочил со стула.

Иван Петрович тоже встал.

— Стас, сделай одолжение... как же это можно... Я не предупреждал тебя об этом раньше...

Денис уже не слушал отца и быстро покинул веранду. Николай Петрович смотрел ему вслед и чувствовал смущение, опускаясь на стул. Сердце бешено колотилось... Возможно ли было представить себе будущие отношения между ним и сыном? Может быть, он осознавал, что Денис мог бы проявить больше уважения к нему, если бы тот не вмешивался в эту ситуацию? Или же сам Николай Петрович обвинял себя за слабость — сказать трудно; все эти мысли переплетались в его голове, но оставались смутными. На лице сохранялась краска, а сердце продолжало биться.

Внезапно послышались торопливые шаги, и Денис вернулся на веранду.

— Мы познакомились, отец! — воскликнул он с радостной улыбкой. — Федосья Николаевна сегодня не совсем в порядке и придет попозже. Но зачем ты мне не сказал о том, что у меня есть брат? Я бы давно его обнял, как сейчас.

Николай Петрович хотел было что-то сказать, подняться и обнять сына... Денис кинулся ему на шею.

— Что это вы опять объятиями занимаетесь? — раздался голос Павла Петровича сзади них.

Отец и сын были рады появлению его в этот момент; бывают такие ситуации, когда хочется быстрее их преодолеть.

— Что же ты удивляешься? — весело сказал Николай Петрович. — Я редко дожидаясь Дениску... Я уже весь день смотрю на него и не успеваю насмотреться.

— Я вовсе не удивляюсь, — заметил Павел Петрович, — я даже сам не прочь его обнять.

Денис подошел к дяде и снова почувствовал прикосновение его усов. Павел Петрович присел за стол; на нем был изящный английский костюм с маленькой феской, намекающей на свободу деревенской жизни, но воротнички рубашки все равно упирались в выбритый подбородок.

— Где же твой новый приятель? — спросил он Дениса.

— Его дома нет; обычно он рано встает и куда-то отправляется. Главное, не обращай на него внимания: он церемоний не любит.

— Да, это заметно. — Павел Петрович начал намазывать масло на хлеб. — Долго он у нас задержится?

— Как придется. Он заехал сюда по пути к отцу.

— А где живет его отец?

— В нашей же губернии, восьмидесяти верстах отсюда. У него небольшое имение там. Был раньше полковым доктором.

— Тэ-тэ-тэ... То-то я все спрашивал себя: где же я слышал эту фамилию — Петров?.. Николай, помнится, в батюшкиной дивизии был лекарь Петров?

— Кажется, был.

– Точно. Так этот лекарь его отец. Гм! – Павел Петрович повел усами. – Ну а сам господин Петров, собственно, кто такой? – спросил он с расстановкой.

– Что такое Петров? – Денис улыбнулся. – Хотите, дядюшка, я вам расскажу, что он собой представляет?

– Сделай одолжение, племянничек.

Дмитрий был человеком нового поколения, который часто вызывал недоумение у более старшего поколения. В этот вечер в доме Ивана Петровича собрались для семейного обеда.

— Что значит «нигилист»? — спросил Иван Петрович, нахмутив брови.

— Это человек, который не признает никаких авторитетов и принципов, — ответил Дмитрий с уверенностью в голосе.

— И как же это называется по-латыни? — уточнил Иван Петрович.

— Нигилизм происходит от латинского слова «nihil», что означает «ничего» или «ничтожно». Такие люди считают, что все предписания и принципы не имеют ценности, — объяснил Дмитрий.

— Интересно. А это хорошо? — поинтересовался Иван Петрович.

— Время покажет. Для одних это может быть освобождением от старых догм, а для других — утратой ориентиров и ценностей, — ответил Дмитрий.

— Вот как. Но я полагаю, что без определенных принципов жизни и ценностей невозможно двигаться вперед. Мы, люди старого поколения, верим в то, что мы называем «принципы», — мягко произнес Иван Петрович.

— Да, вы, конечно, можете так думать, но мир меняется быстрее, чем это осознают многие. Вы ведь не против перемен? — спросил Дмитрий.

— Нет, я за прогресс и развитие, но без утраты основополагающих принципов, — ответил Иван Петрович, пожимая плечами.

— Позвони-ка мне братца Степана, дай ему знать, что можно подавать обед. А то ведь уже стемнело и не до бесед на такие темы, — сказал Иван Петрович, взглянув на часы.

Степан позвонил в колокольчик, и появилась Елена. Она была молодой женщиной лет двадцати пяти с светлыми волосами и голубыми глазами. В руках она держала поднос с чаем и закусками.

— Здравствуйте, Елена, — сказал Иван Петрович, слегка покраснев от смущения.

Елена улыбнулась и поставила поднос на стол перед ним. Она была немного растеряна, но все же нашла в себе силы улыбнуться.

— Спасибо вам за чай, Елена, — сказал Иван Петрович, когда она вышла из комнаты, оставив их с Дмитрием наедине.

Здравствуйте, — ответила она тихим, но уверенным голосом и, бросив взгляд в сторону Сергея, который с улыбкой наблюдал за ней, вышла из комнаты. Её походка была немного расслабленной, что придавало ей определённый шарм.

На террасе воцарилось несколько мгновений тишины. Дмитрий Петрович потягивал свой какао и внезапно поднял голову.

— Вот он, наш нигилист уже приближается, — прошептал он.

В самом деле, по аллее сада двигался Евгений. Его льняное пальто и брюки были испачканы грязью; болотная трава обвивала тулью его старой шляпы; в правой руке он держал мешок, где что-то шевелилось.

— Здравствуйте, господа. Простите за опоздание, сейчас вернусь домой, — произнёс Евгений и быстро приблизился к террасе. — Надо этих пленниц устроить на место.

— Что это у вас там? Пиявки? — спросил Дмитрий Петрович.

— Нет, лягушки.

— Вы их едите или разводите?

— Для опытов, — равнодушно ответил Евгений и вошёл в дом.

— Он скорее всего будет их резать, — заметил Дмитрий Петрович. — Не верит он в принципы, но верит в лягушек.

Сергей с сочувствием взглянул на дядю, а Николай Петрович невольно пожал плечами. Дмитрий Петрович понял, что его шутка не удалас##

— Вот он, наш нигилист уже приближается, — прошептал он.

— Что это у вас там? Пиявки? — спросил Дмитрий Петрович.

— Нет, лягушки.

— Вы их едите или разводите?

— Для опытов, — равнодушно ответил Евгений и вошёл в дом.

Сергей с сочувствием взглянул на дядю, а Николай Петрович невольно пожал плечами. Дмитрий Петрович понял, что его шутка не удалась и решил поменять тему разговора.

— Как там управляющий? — спросил он, вспоминая недавний разговор с новым управляющим.

Евгений вернулся на террасу, сел за стол и начал быстро пить чай. Оба брата молча наблюдали за ним, а Сергей то взглядывал на отца, то на дядю.

— Вы далеко ходили? — спросил наконец Николай Петрович.

— Да, недалеко отсюда есть болотце возле осинової роци. Я взял там несколько бекасов.[23 - Бекас – небольшая птица, болотная дичь.] Ты можешь их убить, Сергей.

— А вы не охотник?

— Нет.

— Вы занимаетесь физикой? — спросил Дмитрий Петрович.

— Да, в основном физика и естественные науки.

— Говорят, германцы сильно продвинулись в этой области за последнее время, — заметил Дмитрий Петрович.

— Да, немцы наши учителя по этой части, — небрежно ответил Евгений.

Дмитрий Петрович использовал слово «германцы» для иронии, но никто не обратил на это внимания.

— Вы так высоко оцениваете немцев? — спросил Дмитрий Петрович с изысканной учтивостью. Он начинал чувствовать тайное раздражение. Его аристократическая натура возмущалась полным отсутствием почтения Евгения.

— Тамошние ученые дельный народ, — ответил Евгений.

— Так, так. Ну а о русских учёных вы, вероятно, не имеете столь лестного мнения?

— Пожалуй, что так.

##

Владимир Иванович выпрямился и задрал голову, смотря на Алексея Сергеевича.

— Твое решение очень похвально, — произнёс он, — но разве ты не говорил мне вчера, что считаешь все авторитеты недостойными доверия?

Алексей пожал плечами:

— Я ведь уже сказал, что я верю только тому, что сам увижу и проверю. Мне скажут сделать что-то — я соглашусь, вот и всё.

Владимир Иванович на мгновение задумался, как будто погрузился в глубокие размышления:

— А как же немцы? Ты ведь уважаешь их?

Алексей зевнул:

— Немцев я не особо уважаю. Старые немецкие учёные ещё могли что-то сказать, но нынешние — это просто химики и материалисты.

Владимир Иванович посмотрел на Сергея Петровича:

— Твой друг, если честно, весьма неуважителен. Но давай вернёмся к теме. Я всегда слышал, что немцы — это образец для подражания.

Сергей Петрович вмешался:

— Давайте обсудим это позже подробнее, Алексей Васильевич. Может быть, вы расскажете нам о ваших научных интересах?

Алексей улыбнулся с презрением:

— Наука для меня — это всего лишь набор фактов и данных.

Владимир Иванович нахмурил брови:

— Ты считаешь, что искусство тоже не имеет значения?

— Искусство, как вы говорите? Это просто способ жизни и развлечения. Я в этом уверен, — ответил Алексей с усмешкой.

Владимир Иванович слегка побледнел:

— Ты отвергаешь всё старое?

Алексей задумался:

— Это как вопрос. Но да, я не верю ни в одну из ваших традиций и постановлений.

Сергей Петрович заметил взгляд Владимира Ивановича и решил вмешаться:

— Алексей Васильевич, вы ведь занимаетесь наукой? Может быть, сможете помочь мне с моим проектом?

Алексей ответил:

— Я к вашим услугам, Сергей Петрович. Но нам нужно ещё многое изучить, прежде чем мы сможем сравняться с Либихом.

«Этот парень точно нигилист», — подумал Сергей Петрович.

Все же позвольте мне обратиться к вам при случае, — добавил он вслух. — Теперь нам с тобой, я полагаю, нужно пойти и обсудить дела с начальником отдела.

Павел Петрович поднялся со стула.

— Да, — сказал он, не глядя ни на кого, — беда в том, что год-два проведешь в деревне, оторванным от умных людей! Вот и станешь дураком. Ты стараешься помнить то, чему тебя учили, а там бац! — оказывается, все это вздор, и тебе говорят, что умные люди уже не занимаются такими пустяками, и что ты просто отсталый персонаж.

Павел Петрович медленно развернулся на каблуках и вышел; Николай Петрович последовал за ним.

— Так он всегда у вас такой? — спросил Евгений у Аркадия, едва закрылась дверь за обоими братьями.

— Послушай, Евгений, ты слишком резко с ним обходишься, — заметил . — Ты его оскорбил.

— Да что мне до этих уездных аристократов! Это все самолюбие и фатство.[1] Ну, пусть бы продолжал свои дела в Петербурге, если так ему хочется... А впрочем, да ладно. Я нашел интересный экземпляр водяного жука, *Dytiscus marginatus*, знаешь? Покажу тебе его.

— Обещал рассказать историю этого жука, — начал .

— История жука?

— Нет, полно. История моего дяди. Ты увидишь, что он не такой человек, каким ты его представляешь. Он заслуживает сочувствия, а не насмешек.

— Я не спорю; но почему тебе так важно это обсуждать?

— Надо быть справедливым, Евгений.

— Откуда это следует?

— Слушай...

И начал рассказывать ему историю своего дяди. Читатель найдет ее в следующей главе.

VII

Алексей Смирнов вырос, как и младший брат Никита, сначала дома, а затем поступил в престижное военное училище. Он был известен своей необычайной красотой и самоуверенностью; его немного насмешливый характер делал его еще более привлекательным. Алексей быстро стал популярным среди всех кругов общества, где бы ни появлялся. Женщины в него были без ума, а мужчины называли его фатом и завидовали ему тайком.

Алексей жил вместе с братом Никитой в одной квартире, хотя между ними не было ничего общего по характеру. Никита хромал на одну ногу из-за ранения во время службы, его лицо выражало постоянную грусть; у него были темные глаза и мягкие волосы. Он предпочитал проводить время в одиночестве с книгами, хотя иногда ленился чрезмерно.

Алексей же был полной противоположностью: ни одного вечера он не проводил дома, славился своей смелостью и ловкостью. Он даже популяризировал гимнастику среди молодежи. Алексей прочитал всего пять-шесть французских книг за всю свою жизнь, но его карьера стремительно развивалась, и в двадцать восемь лет он уже стал капитаном.

Внезапно все изменилось.

В последние недели в Москве часто появлялась загадочная женщина по имени Анастасия Сергеевна. Ее муж — Иван Петрович, человек приличный, но слишком мягкий для того, чтобы противостоять ее странностям. Она внезапно исчезала на несколько недель, а затем возвращалась домой с новыми историями и переживаниями. Анастасия слыла за светскую даму с легкомысленным характером, предаваясь разным удовольствиям: танцевала до упада, шутила с молодыми людьми, которых принимала перед обедом в полумраке гостиной. Однако ночью она становилась совершенно иной — плакала и молилась, металась по комнате, не находя покоя.

Она была удивительно сложена; ее волосы золотого цвета и тяжелые, как золото, падали ниже колен. Лицом она не отличалась красотой — только глаза были хороши: быстрые и глубокие, беспечные до утонченной дерзости и задумчивые до тоски. Её взгляд был загадочным, даже когда язык лепетал самые пустые речи. Одевалась Анастасия изысканно.

Андрей Иванович встретил её на одном балу и протанцевал с ней несколько мазурок. Она не говорила ни слова, но взгляд её оставил глубокий след в его душе. Он влюбился страстно, хотя она ничего особенного ему не сказала. Привыкший к победам, Андрей быстро достиг своей цели; однако легкость успеха не успокоила его сердце. Наоборот: он еще больше привязался к этой женщине, в которой оставалось что-то заветное и недоступное.

Что гнездилось в душе Анастасии? Бог весть! Казалось, она находилась во власти каких-то тайных сил; они играли ею, как хотели. Её небольшой ум не мог справиться с их прихотью. Всё её поведение представляло собой ряд несообразностей: единственные письма, которые могли бы возбудить подозрения мужа, она отправляла почти чужому человеку. Её любовь отзывалась печалью; она уже не смеялась и не шутила с тем, кого избирала, а слушала его и глядела на него с недоумением.

Иногда, внезапно, это недоумение переходило в холодный ужас. Лицо её принимало мертвенное выражение; она запиралась у себя в спальне, и горничная могла слышать её глухие рыдания, припав ухом к замку. Не раз Андрей Иванович чувствовал на сердце ту разрывающую и горькую досаду после окончательной неудачи.

«Чего же хочу я еще?» — спрашивал он себя, а сердце все ныло. Однажды он подарил ей кольцо с вырезанным на камне сфинксом.

— Что это? — спросила она.

— Это сфинкс, — ответил он, — и этот сфинкс — ты.

— Я? — спросила она медленно, поднимая на него взгляд, полный загадки. — Вы знаете, это очень лестно, — добавила она с едва заметной улыбкой, а глаза её продолжали странно блестеть.

Тяжело было Александру даже тогда, когда графиня С. его любила; но когда она охладела к нему, что произошло довольно скоро, он чуть не сошёл с ума. Он мучился и ревновал, не

давая ей покоя, таскался за ней повсюду; ей надоело его преследование, и она уехала за границу. Он вышел в отставку, несмотря на просьбы друзей и увещания начальников, и отправился вслед за графиней; четыре года провёл он за рубежом, то гоняясь за ней, то намеренно теряя её из виду. Он стыдился самого себя, презирал своё малодушие... но ничего не помогало. Её образ, этот непостижимый, почти бессмысленный, но обаятельный образ слишком глубоко внедрил в его душу. В Бадене он как-то снова сошёлся с ней; казалось, никогда ещё она так страстно его не любила... но через месяц всё уже было кончено: огонь вспыхнул в последний раз и угас навсегда. Предчувствуя неизбежную разлуку, он хотел, по крайней мере, остаться её другом, хотя дружба с такой женщиной казалась невозможной... Она тихонько выехала из Бадена и с тех пор постоянно избегала Александра. Он вернулся в Россию, попытался зажить прежней жизнью, но уже не мог вернуться к старым привычкам. Как отравленный, бродил он с места на место; он ещё выезжал, сохранил все светские привычки; мог похвастаться несколькими новыми победами; но ничего особенного ни от себя, ни от других уже не ждал и ничего не предпринимал. Он состарился, поседел; сидеть вечером в клубе, желчно скучать и равнодушно спорить стало для него потребностью — знак, как известно, плохой. О женитьбе он, разумеется, не думал. Десять лет прошло таким образом, бесцветно, бесплодно и быстро, страшно быстро. Нигде время так не бежит, как в России; говорят, что в тюрьме оно бежит ещё скорее. Однажды за обедом, в клубе, Александр узнал о смерти графини С. Она скончалась в Париже, находясь почти в помешательстве. Он встал из-за стола и долго ходил по комнатам клуба, оставившись у карточных игроков; но вернулся домой как обычно. Через некоторое время он получил пакет с её адресом: внутри находилось кольцо, которое он когда-то подарил ей. Она провела на нём крестообразную черту и велела ему сказать, что крест — вот разгадка.

В начале 2026 года Дмитрий Сергеевич вернулся в Москву после смерти жены. С тех пор как его брат Игорь Сергеевич переехал в городскую квартиру, они практически не виделись. Встречи были редки и случайны: их пути расходились из-за разных жизненных обстоятельств.

Вернувшись из длительной командировки за границу, Игорь решил навестить Дмитрия на несколько дней, чтобы поделиться своими мыслями о жизни. Однако он провёл у брата всего неделю — различия в их положении были слишком очевидны и глубоки.

В 2026 году ситуация изменилась: Дмитрий потерял свою жену, а Игорь — свои воспоминания о прежней жизни. После смерти жены Игоря он старался не думать о ней слишком много, но чувство утраты все равно преследовало его.

Для Дмитрия этот год был временем радости и печали: сын рос перед его глазами, а сам он находил смысл в жизни. Игорь же чувствовал себя одиноким холостяком, который оказался между молодостью и старостью — это было время сожалений, похожих на надежды, и надежд, которые казались сожалениями.

— Я больше не зову тебя в деревню, — сказал Дмитрий однажды. — Там ты будешь скучать без жены.

— Я был тогда глупым юношей, — ответил Игорь. — Сейчас я более спокойный и уравновешенный человек. Если позволишь, я готов навсегда остаться с тобой.

Вместо ответа Сергей обнял Дмитрия; но прошло уже полтора года с того момента, когда тот решил воплотить своё намерение. С тех пор как поселился в деревне, он не покидал её даже зимой, когда Виктор находился в Москве со своим сыном. Он начал читать книги на английском языке и стал жить так, как это принято у англичан; редко общался с соседями и выезжал только на выборы, где он обычно молчал, лишь изредка провоцируя старых помещиков своими либеральными выходками. И те, и другие считали его высокомерным человеком; но и те, и другие уважали его за отличные манеры, за слухи о его победах на скачках; за то, что он всегда одевался безупречно и обычно останавливался в лучших номерах лучших гостиниц. Его уважали за то, что он хорошо обедал, а однажды даже пообедал с Веллингтоном[35 - Артур Уэлсли] при Людовике-Филиппе;[36 - французский король (1830–1848)] за то, что он

носил настоящий серебряный несессер и походную ванну; за то, что от него пахло какими-то необыкновенными духами; за то, что он мастерски играл в карты и всегда проигрывал. Его уважали также за его безукоризненную честность.

– Вот видишь ли, Никита, – сказал Егор, закончив свой рассказ, – как несправедливо ты судишь о дяде! Я уже не говорю о том, что он помогал отцу в трудные времена и всегда был готов помочь кому угодно; особенно крестьянам. Он защищает их интересы, хотя сам с ними редко общается...

– Вот так нервы, – перебил Евгений.

– Может быть, но сердце его предельно доброе. И он не глуп. Какие полезные советы он мне давал... особенно насчет отношений с женщинами.

– Ага! Сам на молоке обжёгся и другим воду подливает. Знаем мы это!

– Ну, словом, – продолжил Егор, – он глубоко несчастлив, поверь мне; презирать его – грех.

– Да кто его презирает? – возразил Евгений. – А я все-таки скажу, что человек, который всю свою жизнь поставил на карту женскую любовь и, когда ему эту карту убили, раскис и опустился до того, что ни на что не стал способен, такой человек – не мужчина. Ты говоришь, что он несчастлив: тебе лучше знать; но дурь из него не вся вышла. Я уверен, что он воображает себя дельным человеком, потому что читает книги и раз в месяц помогает крестьянам.

– Да вспомни его воспитание, время, когда он жил, – заметил Егор.

Воспитание? — перебил Серега. — Каждый человек сам себя должен воспитывать, как я, например. А что касается времени, зачем мне подчиняться ему? Лучше пусть время зависит от меня. Нет, браток, это все беспорядок и пустота! И какие же тут могут быть тайны между мужчиной и женщиной? Мы-то, как физиологи, знаем, что такое эти отношения. Ты бы лучше анатомию глаз изучил: откуда там может взяться загадочный взгляд? Это все романтическое балаболство, безделица, художественное вымысел. Пойдем лучше посмотрим на жуков.

И оба приятеля отправились в комнату Сереги, где уже успел установиться какой-то медицинско-хирургический запах, смешанный с дешёвым табаком.

***

Виктор Петрович недолго присутствовал при разговоре своего брата с управляющим — высоким и худощавым человеком с сладким чахоточным голосом и плутовскими глазами, который на все замечания Никиты Петровича отвечал: «Помилуйте-с, известное дело-с». Управляющий старался представить мужиков как пьяниц и воров. Недавно организованное хозяйство скрипело, как намазанное колесо, трещало, как домоделанная мебель из сырого дерева. Никита Петрович не унывал, но частенько вздыхал и задумывался: он чувствовал, что без денег дело не пойдет, а деньги почти все перевелись. Артур сказал правду: Виктор Петрович не раз помогал своему брату; видя, как тот мучился и ломал себе голову, придумывая, как бы извернуться, Виктор медленно подходил к окну и, засунув руки в карманы, бормотал сквозь зубы: «Mais je puis vous donner de l'argent» — и давал ему денег. Но сегодня у него самого ничего не было, и он предпочел удалиться. Хозяйственные проблемы наводили на него тоску; кроме того, ему постоянно казалось, что Никита Петрович, несмотря на все свое рвение и трудолюбие, не так принимается за дело, как следовало бы. Хотя указать конкретную ошибку он не мог: «Брат недостаточно практичен, — рассуждал Виктор сам с собой, — его обманывают». Никита Петрович, напротив, был высокого мнения о практичности Виктора и всегда спрашивал совета. «Я человек мягкий, слабый, век свой провел в глуши, — говорил он, — а ты недаром так много жил с людьми: у тебя орлиный взгляд». В ответ на эти слова Виктор только отворачивался, но не разубеждал брата.

Оставив Никиту Петровича в кабинете, он отправился по коридору, отделявшему переднюю часть дома от задней. Поравнявшись с низенькой дверью, Виктор остановился в раздумье, подергал себя усы и постучался.

— Кто там? — раздался голос Анечки.

— Это я, — проговорил Виктор Петрович и отворил дверь.

Анечка вскочила со стула, на котором сидела с ребенком. Передав его девице, которая тотчас вынесла его из комнаты, Анечка торопливо поправила свою косынку.

— Извините, если я помешал, — начал Виктор Петрович, не глядя на нее, — мне хотелось только попросить вас... сегодня в город посылают... велите купить для меня зелёного чая.

— Привет, — ответила Анна, — сколько вы хотите купить?

— Достаточно будет полкило, думаю. А здесь всё изменилось, — добавил он, оглядывая комнату вокруг. Его взгляд задержался на лице Анны.

— Да, занавеси. Сергей Петрович нам их подарил; они уже давно висят тут.

— Я давно не был у вас. У вас здесь очень хорошо теперь.

— За счёт Сергея Петровича, — прошептала Анна.

— Вам лучше здесь, чем в старом флигеле? — спросил Алексей вежливо, но без улыбки.

— Конечно, намного лучше, — ответила она.

— Кого теперь поселили на ваше место?

— Теперь там прачки живут.

— А!

Алексей замолчал. «Он сейчас уйдёт», — подумала Анна, но он не спешил уходить и стояла перед ним как вкопанная, слабо перебирая пальцы.

— Почему вы приказали вашего ребёнка вынести? — спросил Алексей. — Я люблю детей: покажите-ка мне его.

Анна вся покраснела от смущения и радости. Она боялась Алексея: он почти никогда не разговаривал с ней.

— Дуня, — позвала она, — принеси Мишу (все в доме звали её на «вы»). А лучше подожди; нужно ему одеться.

Анна направилась к двери.

— Не важно, — заметил Алексей.

— Я сейчас вернусь, — ответила Анна и быстро вышла из комнаты.

Алексей остался один. Он внимательно осмотрелся вокруг. Маленькая комната была очень чистой и уютной. В ней пахло свежим лаком для пола, ромашкой и мелиссой. По стенам стояли стулья с лировыми спинками; они были куплены покойным генералом во время похода в Польшу. В одном углу под кисейным пологом виднелась детская кроватка, рядом с ней — старинный железный сундук с круглой крышкой. С противоположной стороны горела лампадка перед большим тёмным образом Николая Чудотворца; на груди святого висело маленькое фарфоровое яичко, прикрепленное к светящемуся ореолу. На окнах стояли банки с прошлогодним вареньем, завязанные тщательно; сквозь них просвечивал зелёный свет. Сама Анна крупными буквами написала на крышках «кружевное» — это любимое варенье Сергея Петровича. Под потолком на длинном шнурке висела клетка с короткохвостым чижом, который без устали пел и прыгал; каждое его движение вызывало дрожь всей клетки: конопляные зерна стучали о пол. В простенке над небольшим комодом висели довольно плохие фотографии Сергея Петровича в разных позах, сделанные заезжим художником; тут же — безуспешная фотография самой Анны: какое-то безглазое лицо напряжённо улыбалось в черной рамке; больше ничего нельзя было разобрать. Над Анной висел портрет Ермолова, в бурке и с шляпой на лбу, он грозно смотрел на дальние Кавказские горы из-под шляпы.

Прошло пять минут; из соседней комнаты доносился шепот и легкий шелест бумаг. Сергей Васильевич поднял со стола потрёпанный том романа "Стрельцы" К. П. Масальского, перевернул несколько страниц, задумчиво глядя на текст. В дверь постучали, и вошла Анна с маленьким Сашей в руках. Она одела его в яркую рубашку с вышивкой и аккуратно уложила

волосы мальчика; он был немного расстроен, но красная рубашка быстро вернула ему хорошее настроение.

Анна сама привела себя в порядок: приладила волосы и надела платок. Она могла бы остаться такой же простой, как была, но её вид с ребёнком был неотразимым.

– Видишь, какой красавец, – улыбнулась Анна, слегка встряхивая мальчика и прижимая к себе. В это время Дуняша поставила на окно зажжённую свечку для курения.

– Сколько ему месяцев? – спросил Сергей Васильевич.

Анна ответила:

– Шесть, скоро уже семь, одиннадцатого числа.

Дуняша с некоторой робостью вмещалась:

– Не восемь ли?

– Нет, седьмой. Как же!

Саша засмеялся и внезапно потянулся к матери за носом и губами.

– Такой ловкий! – улыбнулась Анна, не отстраняясь от его пальцев.

– Он похож на брата, – заметил Сергей Васильевич.

Анна подумала: «Кого же ещё ему быть похожим?»

Сергей продолжал:

– Да, очень похож.

Он внимательно взглянул на Анну с некоторой грустью.

– Это дядя, – повторила она тихо.

Вдруг раздался голос Николая Васильевича:

– Сергей! Ты здесь?

Сергей быстро обернулся и нахмурился. Но когда увидел радостное выражение лица брата, не мог сдержать улыбки.

– У тебя замечательный мальчик, – сказал он и посмотрел на часы, – я зашёл попить чай...

С этими словами Сергей Васильевич вышел из комнаты.

Николай Васильевич спросил Анну:

– Тебе самой пришло в голову сюда зайти?

Анна ответила:

– Мне и Саше захотелось.

– А больше не приходил?

– Не приходил. Может, мне переехать во флигель на время?

– Нет, лучше оставайся здесь, – произнёс Николай Васильевич с запинкой и потер лоб.

Затем он обернулся к Саше:

– Привет, малыш! – поцеловал мальчика в щеку. Потом прикоснулся губами к ручке Анны, которая была бела как снег на фоне красной рубашки Саши.

Сергей Васильевич быстро вышел из комнаты, оставив за собой чувство непонятого напряжения. Николай Васильевич же смотрел на Анну и её ребёнка с глубоким уважением и любовью, стараясь понять, что происходит между ними и Сергеем.

В один вечер Дмитрий Иванович встретился с Анной Петровной и сразу почувствовал что-то особенное, но не мог понять, что именно. Она спокойно улыбнулась ему, опустив глаза, и он заметил, как ее лицо светилось мягким смехом.

Встреча Дмитрия Ивановича с Анной Петровной произошла случайно три года назад в небольшом городке на юге. Он остановился ночевать в местном гостинице и был приятно удивлен чистотой комнаты и свежестью постельного белья. «Неужели хозяйка немка?» — подумал он, но вскоре выяснилось, что владелицей была русская женщина лет пятидесяти, опрятная и с умным выражением лица. Они начали разговаривать за чаем, и Дмитрий Иванович сразу почувствовал к ней расположение.

В то время Дмитрий Иванович только что переехал в новый дом на окраине города и искал надежных работников для усадьбы. Женщина рассказала ему о своих трудностях с малым количеством проезжающих и предложила работу, если он сможет помочь ей и ее дочери Анне. Дмитрий Иванович согласился. Оказалось, что муж хозяйки давно умер, оставив только дочь.

Через несколько недель Анна приехала вместе с матерью в дом Дмитрия Ивановича. Она жила тихо и скромно, редко выходя на глаза хозяину. Ему нравилось наблюдать ее улыбку в церкви по воскресеньям.

Прошел год, и однажды утром Анна пришла к Дмитрию Ивановичу с просьбой помочь дочери: ей попала искра в глаз. Он был знаком с основами медицины и тут же вызвал девушку. Увидев хозяина, Анна была очень смущена, но пришла вместе с матерью.

Дмитрий Иванович осмотрел ее глаз и прописал примочку, которую сам сделал из своих запасов. Он показал ей, как правильно накладывать лекарство на рану. Когда Анна собралась уходить, мать попросила ее поцеловать руку хозяина. Дмитрий Иванович не смог протянуть руку и сам поцеловал девушку в голову.

Через несколько дней глаз Анны полностью выздоровел, но впечатление от встречи осталось у Дмитрия Ивановича надолго. Он часто думал об этой юной девушке с чистым лицом и невинными глазами. Ему казалось, что он все еще чувствует мягкие волосы на своих руках и видит блестящие зубки девушки в лучах солнца.

В один из прохладных осенних дней Иван Сергеевич начал внимательно наблюдать за Анной, стараясь завязать с ней беседу. Сначала она держалась от него на расстоянии и однажды вечером, встретив его на узкой тропинке, которая проходила через пшеничное поле, спряталась в высокую жатву, поросшую полынью и васильками. Он заметил её головку сквозь золотистые колосья и ласково крикнул:

— Привет, Анна! Я не собираюсь тебя обидеть.

— Здравствуйте, — прошептала она, оставаясь в своей укрытии.

С течением времени она стала привыкать к нему, но все еще чувствовала себя неловко при его появлении. Внезапно её мать, Мария Петровна, скончалась от холеры. Что было делать Анне? Она унаследовала от матери любовь к порядку и рассудительность; но она была так юна, так одинока; Иван Сергеевич был добрый и скромный человек...

— Так он просто вошел в твою комнату? — спрашивал её Иван Сергеевич. — Постучался и вошел?

— Да-с.

— Ну, это хорошо. Дай-ка мне покачать Митю.

И Иван Сергеевич начал подбрасывать мальчика почти до потолка, что доставляло ему большое удовольствие, но вызывало беспокойство у матери, которая каждый раз протягивала руки к его обнаженным ножкам.

А Сергей Петрович вернулся в свой изысканный кабинет, украшенный красивыми обоями дикого цвета на стенах, с развешенным оружием на пестром персидском ковре, с мебелью из орехового дерева, обитой темно-зелёной тканью, с библиотекой в стиле Возрождения из старого черного дуба и камином. Он упал на диван, заложив руки за голову, и остался неподвижен, почти с отчаянием глядя в потолок. Хотел ли он скрыть свои чувства от стен или по другой причине — только вскоре подошёл к окну, отстегнул тяжёлые занавески и снова улёгся на диван.

В тот же день Дмитрий познакомился с Анной. Он вместе с Сергеем гулял по парку и объяснял ему, почему некоторые деревца, особенно дубки, плохо растут.

— Надо сажать больше серебристых тополей здесь, да елей, а также липы, добавив чернотём. Вон беседка прижилась хорошо, — заметил он, — потому что акация и сирень — деревья неприхотливые.

В беседке сидела Анна вместе с Дуняшей и Митей. Дмитрий остановился, а Сергей кивнул головой Анне как старому знакомому.

— Кто это? — спросил его Дмитрий, когда они прошли мимо. — Какая хорошенькая!

— Да ты о ком говоришь?

— Конечно же, о ней: одна только хорошенькая.

Сергей, не без смущения, объяснил ему кратко, кто такая Анна.

— Ага! — сказал Дмитрий. — У твоего отца, видимо, есть вкус. Он мне нравится, твой отец, правда-правда! Надо познакомиться с ней, — добавил он и отправился обратно к беседке.

— Евгений! — испуганно закричал ему Сергей вслед. — Будь осторожен ради бога.

— Не волнуйся, — ответил Дмитрий. — Мы люди искушенные, в городах жили.

Подойдя к Анне, он снял шляпу.

Позвольте представиться, — начал он вежливо кланяясь, — я друг и приятель Николая Петровича.

Людочка поднялась со скамейки и посмотрела на него молча.

— Какой у вас ребенок замечательный! — продолжил Евгений. — Не беспокойтесь, я ещё никого не сглазил. Почему у него щёчки такие красные? Зубы, что ли, прорезаются?

— Да-с, — ответила Людочка. — У него уже четыре зуба вылезли, а теперь вот десны опять воспалились.

— Покажите-ка... Не бойтесь, я врач.

Евгений взял ребёнка на руки; к удивлению Людочки и Дуньи, тот не сопротивлялся и даже не испугался.

— Вижу, вижу... Все хорошо: зубастый будет. Если что случится, скажите мне. А вы сами здоровы?

— Здорова, слава богу.

— Слава богу — это самое лучшее. И вы? — добавил Евгений, обращаясь к Дуне.

Дуня, строгая в доме и хохотушка за порогом, только фыркнула ему в ответ.

— Ну и прекрасно. Вот ваш богатырь.

Людочка приняла ребёнка на руки.

— Как тихо он сидел у вас, — прошептала она.

— У меня все дети тихо сидят, — отвечал Евгений, — я знаю такую штуку.

— Дети чувствуют, кто их любит, — заметила Дуня.

— Это точно, — подтвердила Людочка. — Вот Митя, к другому ни за что не пойдёт на руки.

— А ко мне пойдёт? — спросил Николай, который стоял в стороне и наблюдал за ними. Он поманил Митю к себе, но тот откинул голову назад и запищал, что очень смутило Людочку.

— В другой раз, когда привыкнет, — сказал Николай снисходительно, и оба приятеля удалились.

— Как её зовут? — спросил Евгений.

— Людочкой... Людмилой, — ответил Николай.

— А отчеством?.. Это тоже надо знать.

— Петровой.

— Bene.[39 - Хорошо (лат.).] Мне нравится в ней то, что она не слишком стесняется. Иной бы это осудил; зачем стесняться? Она мать — и права.

— Она права, — заметил Николай, — но мой отец...

— И он тоже прав, — перебил Евгений.

— Не согласен с тобой.

— Видно, лишний наследник нам не нужен?

— Как ты можешь так думать! — воскликнул Николай. — Я не это имею в виду; я считаю, что он должен жениться на ней.

— Эге-ге! — спокойно проговорил Евгений. — Вот мы какие великодушные! Ты ещё придаёшь значение браку; этого от тебя не ожидал.

Приятели прошли несколько шагов молча.

— Видел я все твои уголья, — начал опять Евгений. — Скот плохой, лошади изношенные. Строения тоже ветшают, и работники выглядят ленивыми; а управляющий либо дурак, либо плут, я ещё не разобрался.

— Ты сегодня строг, Евгений Васильевич.

— И мужики тебя надуют непременно. Знаешь поговорку: «Русский мужик бога съест».

— Я начинаю соглашаться с дядей, — заметил Николай, — ты действительно думаешь плохо о русских.

Владимир стоял у окна своего небольшого офиса на третьем этаже в современном бизнес-центре Москвы и смотрел на пестрые огни города, освещенные уже невысоким закатом. Вдруг его взгляд упал на смартфон, засветившийся сообщением от Ивана.

"Что это?" — спросил Владимир, поднимая голову и с интересом глядя на друга.

"Это мой отец играет на виолончели," — ответил Иван, улыбнувшись.

"Твой отец играет на виолончели?" — удивился Владимир.

"Да."

"Сколько ему лет?"

"Он сейчас сорок восемь."

Владимир внезапно засмеялся, не скрывая своего неприязни.

"Что тебя так развеселило?" — спросил Иван.

"Так ведь в сорок восемь лет, отец семейства и уважаемый человек в своем кругу — играет на виолончели!"

Прошло около двух недель. Жизнь в квартире Ивана текла своим чередом: он проводил дни, занимаясь своими делами, а Владимир работал над проектами и исследованиями. Все в доме привыкли к нему, к его небрежным манерам и немногословной речи.

Фенечка, особо приходилась ему по душе: однажды ночью она просила разбудить Владимира, когда у Мити началась судорога. Он пришел к ней без лишних вопросов, сидел два часа и помог ребенку, как мог.

Павел Петрович всеми силами возненавидел Владимира: считал его гордецом, нахалом и циником. Он подозревал, что Владимир не уважает его, а может быть, даже презирает — ведь он был Павлом Кирсановым!

Николай Петрович тоже побаивался молодого "нигилиста", но охотно слушал его идеи и присутствовал при его экспериментах. Владимир привез с собой микроскоп и проводил часы за ним, изучая различные образцы.

Слуги также привязались к нему: хоть он над ними подтрунивал, они чувствовали в нем своего рода товарища, а не барина. Дуняша охотно смеялась вместе с Владимиром и искоса поглядывала на него.

Петр, человек до крайности самолюбивый и глупый, всегда с напряженными морщинами на лбу, которому все достоинство состояло в том, что он глядел учтиво и часто чистил свой костюм, — ухмылялся и светлел, как только Владимир обращал на него внимание.

Дворовые мальчишки бегали за "дохтуром", как собачонки. Единственный старик Прокофьич не любил его: подавая еду за столом, он называл Владимира "живодером" и "прощельгой". Но, по-своему, Прокофьич был аристократом не хуже Павла Петровича.

Лучшие дни года наступили — начало июня. Погода стояла прекрасная; правда, издалека угрожала холера, но жители города уже привыкли к ее посещениям. Евгений вставал очень рано и отправлялся за несколько верст собирать травы и насекомых. Иногда он брал с собой Сергея. На обратном пути у них обычно завязывался спор, и Сергей обыкновенно оставался побежденным, хотя говорил больше своего товарища.

Однажды они задержались на несколько часов; Алексей Петрович вышел к ним навстречу в сад. Он поравнялся с беседкой и услышал быстрые шаги и голоса обоих молодых людей, которые шли по ту сторону беседки и не могли его видеть.

— Ты отца недостаточно знаешь, — говорил Сергей.

Алексей Петрович замер в тени деревьев.

— Твой отец добрый малый, — промолвил Евгений, — но он человек отставной, его песенка спета.

Алексей Петрович прижал ухо к стене беседки. Сергей ничего не ответил.

«Отставной человек» постоял минуты две неподвижно и медленно пошел домой.

— Третьего дня, я смотрю, он Пушкина читает, — продолжал между тем Евгений. — Растолкуй ему, пожалуйста, что это никуда не годится. Ведь он уже не мальчик: пора бросить эту ерунду. И охота же быть романтиком в нынешнее время! Дай ему что-нибудь дельное почитать.

— Что бы ему дать? — спросил Сергей.

— Да, я думаю, «Материя и сила» Бюхнера на первый случай.

— Я сам так думаю, — заметил одобрительно Сергей. — «Материя и сила» написано популярным языком.

— Вот как мы с тобой, — говорил в тот же день после обеда Алексей Петрович своему брату Павлу Петровичу, сидя у него в кабинете: — в отставные люди попали, песенка наша спета. Что ж? Может быть, Евгений и прав; но мне одно больно: я надеялся именно теперь тесно и дружески сойтись с Сергеем, а выходит, что я остался назади, он ушел вперед, и понять мы друг друга не можем.

— Да почему он ушел вперед? И чем он от нас так отличается? — воскликнул Павел Петрович. — Это все ему синьор этот вбил, нигилист этот. Ненавижу я этого лекаришку; по моему, он просто шарлатан; я уверен, что со всеми своими лягушками он и в физике недалеко ушел.

— Нет, брат, ты это не говори: Евгений умен и знающ.

— И самолюбие какое противное, — перебил Павел Петрович.

— Да, — заметил Алексей Петрович, — он самолюбив. Но без этого, видно, нельзя; только вот чего я в толк не возьму. Кажется, я все делаю, чтобы не отстать от века: крестьян устроил, ферму завел, так что даже меня во всей области красным величают; читаю, учусь, вообще стараюсь стать в уровень с современными требованиями, — а они говорят, что песенка моя спета. Да что, брат, я сам начинаю думать, что она точно спета.

— Это почему?

Сегодня я сижу в своей квартире и читаю Достоевского... кажется, это была "Преступление и наказание"... Вдруг Иван подходит ко мне и молча, с ласковым презрением на лице, берет у меня книгу и кладет передо мной другую, немецкую... улыбнулся и ушел, оставив Достоевского.

— Вот как! Какую же он тебе дал?

— Вот эту.

И Сергей Петрович достал из заднего кармана брошюру Энгельса, девятого издания. Василий Петрович повертел ее в руках.

— Гм! — промычал он. — Иван Сергеевич заботится о твоём воспитании. Что ж, ты пробовал читать?

— Пробовал.

— Ну и что же?

— Либо я глуп, либо это все вздор. Должно быть, я глуп.

— Ты по-немецки не забыл? — спросил Василий Петрович.

— Я по-немецки понимаю.

Василий Петрович снова повертел книгу в руках и исподлобья взглянул на брата. Оба помолчали.

— Да, кстати, — начал Сергей Петрович, видимо желая переменить разговор. — Я получил письмо от Иванова.

— От Александра Сергеевича?

— От него. Он приехал в город ревизовать губернию. Теперь он уже в топ-чиновники и пишет мне, что хочет повидаться с нами по родственному знакомству и приглашает нас всех в город.

— Ты пойдешь? — спросил Василий Петрович.

— Нет; а ты?

— И я не пойду. Очень нужно тащиться за тридцать километров, чтобы есть кисель. Александр хочет показаться нам во всей своей славе; черт с ним! Он обойдется без нас. И велика важность, что он теперь тайный советник? Если бы я продолжал служить, я бы сейчас был генерал-адъютантом. К тому же мы отставные люди.

— Да, брат; пора заказывать гроб и складывать руки крестом на груди, — заметил со вздохом Сергей Петрович.

— Ну, я так скоро не сдамся, — пробормотал его брат. — У нас еще будет схватка с этим лекарем, я это предчувствую.

Схватка произошла вечером за чаем. Василий Петрович сошел в гостиную уже готовый к бою, раздраженный и решительный. Он ждал только предлога, чтобы накинуться на противника; но предлог долго не представлялся. Дмитрий вообще говорил мало в присутствии "старичков Ивановых" (так он называл обоих братьев), а в тот вечер он чувствовал себя неважно и молча выпивал чашку за чашкой. Василий Петрович весь горел нетерпением; его желания сбылись наконец.

Речь зашла об одном из соседних помещиков. "Дрянь, аристократишко", — равнодушно заметил Дмитрий, который встречался с ним в Петербурге.

— Позвольте вас спросить, — начал Василий Петрович, и губы его задрожали, — по вашим понятиям слова "дрянь" и "аристократ" одно и то же означают?

— Я сказал: "аристократишко", — проговорил Дмитрий, лениво отхлебывая глоток чая.

Василий Петрович сидел в гостиной своего загородного дома, где собрались его родственники. Разговор шёл о современных ценностях и отношении к старым традициям.

— Я считаю своим долгом сказать, что я не разделяю ваше мнение об аристократах, — начал он, обращаясь к молодому Ивану Петровичу. — Меня знают как сторонника прогресса и свободы; но именно поэтому я уважаю настоящих аристократов. Вспомните английских аристократов: они не уступают своих прав ни на йоту, и потому они уважают права других людей. Они требуют исполнения обязанностей в отношении к ним, и поэтому сами исполняют свои обязанности.

— Это мы уже слышали много раз, — ответил Иван Петрович, с явным недовольством на лице.

— Я хочу доказать, что без чувства собственного достоинства нет прочного основания общественному зданию. Личность должна быть крепка, как скала, ибо на ней все строится. Мой образ жизни, мои привычки — это проявление самоуважения и чувства долга.

— Позвольте спросить, Василий Петрович, — вмешался Иван Петрович, — если вы так уважаете себя, то какая от этого польза обществу? Вы сидите сложа руки и ничего не делаете. Василий Петрович побледнел.

— Это совершенно другой вопрос. Я хочу сказать, что аристократизм — это принцип, который сегодня необходим для сохранения порядка в обществе. Без таких принципов могут жить только безнравственные или пустые люди.

Николай Петрович кивнул головой в знак согласия.

— Аристократизм, либерализм, прогресс — сколько иностранных слов! Русскому человеку они даром не нужны, — продолжил Иван Петрович.

— Что же тогда нужно? Выходит, что мы находимся вне человеческих законов?

— Мы обходимся без этих логических рассуждений, — ответил Иван Петрович.

— Как это возможно?

— Вот как. Вы, надеюсь, не нуждаетесь в логике для того, чтобы положить себе кусок хлеба в рот, когда голодны. Куда нам до этих отвлеченностей!

Дмитрий Петрович развел руками.

— Я вас не понимаю после этого. Вы оскорбляете русский народ. Как можно не признавать принципов и правил! В силу чего же вы действуете?

— Мы не признаём авторитетов, — вмешался Сергей.

— Мы действуем по тому, что полезно, — ответил Дмитрий. — Сейчас самое полезное — это отрицание, мы всё отрицаем.

— Всё?

— Да, всё.

— Как? Не только искусство, поэзию... но и... страшно сказать...

— Всё, — повторил Дмитрий с невыразимым спокойствием.

Дмитрий Петрович уставился на него. Он этого не ожидал, а Сергей даже покраснел от удовольствия.

— Однако позвольте, — заговорил Николай Петрович. — Вы всё разрушаете... Но ведь нужно же и строить!

— Сперва нужно место расчистить, — ответил Дмитрий.

— Современное состояние народа этого требует, — с важностью добавил Сергей. — Мы должны исполнять эти требования, мы не имеем права предаваться удовлетворению личного эгоизма.

Эта последняя фраза явно не понравилась Дмитрию; от неё веяло философией, то есть романтизмом. Но он не сочтён за нужное опровергать своего молодого ученика.

— Нет, нет! — воскликнул с внезапным порывом Дмитрий Петрович. — Я не хочу верить, что вы точно знаете русский народ, что вы представители его потребностей и стремлений! Русский народ совсем не такой, каким вы его воображаете. Он чтит предания, он патриархален, он не может жить без веры...

— Я не стану против этого спорить, — перебил Дмитрий. — Я даже готов согласиться, что в этом вы правы.

— А если я прав?

— И всё-таки это ничего не доказывает.

— Именно ничего не доказывает, — повторил Сергей с уверенностью опытного шахматного игрока, который предвидел опасный ход противника и потому несколько не смутился.

— Как ничего не доказывает? — пробормотал изумлённый Дмитрий Петрович. — Стало быть, вы идёте против своего народа?

— А хоть бы и так? — воскликнул Дмитрий. — Народ полагает, что когда гром гремит, это Илья Пророк в колеснице по небу разъезжает. Что ж? Мне соглашаться с ним? Да притом — он русский, а разве я сам не русский?

— Нет, вы после всего, что вы сейчас сказали, мне как русский признаваться нельзя.

— Мой дед землю пахал, — ответил Дмитрий с надменной гордостью. — Спросите любого из ваших же мужиков, в ком из нас — в вас или во мне — он скорее признает соотечественника. Вы и говорить-то с ним не умеете.

— А вы говорите с ним и презираете его в то же время.

— Что ж, коли он заслуживает презрения! Вы порицаете мое направление, а кто вам сказал, что оно во мне случайно, что оно не вызвано тем самым народным духом, во имя которого вы так ратуете?

— Очень нужны нигилисты!

Встреча в кафе «Молния» на Новослободской улице проходила оживленно и напряженно. Алексей Иванович, известный врач, сидел рядом со своим другом Сергеем Петровичем, который был успешным бизнесменом.

— Друзья мои, давайте не будем спорить из-за личных мнений, — вмешался Алексей Иванович, поднимаясь со своего места.

Сергей Петрович улыбнулся и положил руку на плечо друга, заставляя его снова сесть.

— Не волнуйся, — сказал он. — Я сохраню свое достоинство, несмотря на насмешки господина... доктора. Разрешите, я хочу обратиться к вам, Игорь, — продолжил Сергей Петрович, обращаясь к молодому человеку по имени Игорь. — Вы считаете свою идею новой? Это ошибочное убеждение. Материализм, который вы пропагандируете, уже не раз был в ходу и всегда оказывался бесполезным...

— Опять иностранное слово! — перебил Игорь. Он начал злиться, и его лицо приняло грубый оттенок. — Во-первых, мы ничего не пропагандируем; это не наши обычаи...

— А что же вы делаете?

— Вот что мы делаем: раньше, совсем недавно, мы говорили о взятках чиновников, об отсутствии дорог и торговли, о неразумных судах...

— Да, да, вы критики, — так, кажется, это называется. Я согласен с многими из ваших критиканских замечаний, но...

— Потом мы поняли, что говорить об этих проблемах бесполезно; это приводит только к пошлости и догматизму;[45 - Догматизм – узкая, упрямая защита какого-либо учения (доктрины), даже если наука и жизнь противоречат ему.] мы заметили, что наши так называемые передовые люди и критики никуда не годятся; они занимаются вздором, толкуют о каком-то искусстве, бессознательном творчестве, парламентаризме, адвокатуре, когда речь идет о насущных проблемах. Когда грубейшее суеверие душит людей, когда акционерные общества лопаются из-за недостатка честных людей, когда самая свобода, которую правительство пытается внедрить, едва ли принесет пользу, потому что мужик рад самого себя обокрасть, чтобы напиться в кабаке.

— Так вот как! — перебил Сергей Петрович. — Вы все это поняли и решили ничего не делать?

— И решили ничего не делать, — угрюмо повторил Игорь.

Ему стало досадно на самого себя за то, что он так много говорил перед этим человеком.

— А только ругаться?

— И ругаться.

— Это называется нигилизмом?

— Да, это называется нигилизмом, — повторил опять Игорь с особым вызовом.

Сергей Петрович слегка прищурился.

— Так вот как! — промолвил он странно спокойным голосом. — Нигилизм должен помочь всему горю, и вы считаете себя избавителями и героями. Но за что же вы других осуждаете? Не болтаете ли вы так же, как все?

— Мы не грешим этим грехом, — произнес сквозь зубы Игорь.

— Так что ж? Вы действуете, что ли? Собираетесь действовать?

Игорь ничего не ответил. Сергей Петрович дрогнул, но тотчас же овладел собой.

— Гм!.. Действовать, ломать... — продолжал он. — Но как это делать, если вы даже не знаете зачем?

«Мы разрушаем потому что мы сила», — заметил Сергей. Дмитрий Петрович посмотрел на своего племянника и усмехнулся.

— Да, сила никогда не дает отчета перед другими, — проговорил Сергей и выпрямился.

— Боже мой! — воскликнул Дмитрий Петрович; он уже не мог скрывать свое раздражение. — Почему бы тебе хотя бы подумать о том, что в России ты поддерживаешь своей пошлой фразой совершенно неприемлемую идею? Нет, это может измотать даже ангела! Сила! И у калмыка есть сила, и у монгола — но нам нужна цивилизация, да-с, цивилизация. Ее плоды важнее всего для нас. Не говорите мне, что эти плоды ничтожны: последний пачкун[50 - Писака], которому платят пять копеек за вечер, полезнее вас, потому что они являются представителями цивилизации, а не грубой монгольской силы! Вы считаете себя передовыми людьми, но вам только в калмыцкой юрте сидеть! Сила! Помните же наконец, господа сильные, что вас всего четыре человека, а тех — миллионы, которые не позволяют вам попирать свои священные верования и раздавят вас!

— Если раздавят, так тому и быть, — сказал Иван. — Но бабушка еще надвое скажет. Нас не так мало, как вы полагаете.

— Как? Вы серьезно думаете справиться с целым народом?

— Из копеечной свечки Москва горела, — ответил Иван.

— Так-так. Сперва высокомерие почти сатанинское, потом насмешка. Вот чем увлекается молодежь, вот чему покоряются неопытные сердца мальчиков! (Сергей отвел взгляд и нахмурился.) И эта зараза уже далеко распространилась. Мне сказывали, что в Риме наши художники Ватикан даже ногой не ступят.[51 - Молодые русские художники отказываются от традиционного академизма и устремляются к созданию самобытного искусства.] Рафаэля[52 - Известный итальянский художник эпохи Возрождения] считают чуть не дураком, потому что это авторитет; а сами бессильны и бесплодны до глупости. Их фантазия дальше «Девушки у фонтана» не достигает. А девушка написана прескверно. По-вашему, они молодцы, не правда ли?

— По-моемному, — возразил Иван, — Рафаэль ничего не стоит, да и они не лучше его.

— Прекрасно! Прекрасно! Слушай, Максим... Вот как должны современные молодые люди выражаться! И подумать только, им не нужно стараться учиться; раньше они боялись казаться невеждами и вынуждены были трудиться. А теперь достаточно сказать: все на свете вздор! — и всё в порядке. Молодые люди обрадовались. И правда, прежде они просто были глупцами, а теперь внезапно стали нигилистами.

— Вот как изменилось ваше хваленое чувство собственного достоинства, — флегматично заметил Сергей, в то время как Максим весь вспыхнул и засверкал глазами. — Наш спор зашел слишком далеко... Кажется, лучше его прекратить. А я тогда соглашусь с тобой, — добавил он, поднимаясь, — когда ты представишь мне хоть одно постановление в современном нашем быту, семейное или общественное, которое не вызывает полного и беспощадного отрицания.

— Я тебе миллионы таких постановлений представлю, — воскликнул Дмитрий Петрович, — миллионы! Да вот хоть община, например.

Холодная усмешка скривила губы Сергея.

— Ну, насчет общины, — промолвил он, — поговори лучше с твоим братцем. Он теперь, кажется, изведаль на деле, что такое община, круговая порука и тому подобные штучки.

— Семья, наконец, семья, так как она существует у наших крестьян! — закричал Дмитрий Петрович.

— И этот вопрос лучше для тебя не разбирать в подробности. Вы, чай, слышали о снохачах? Послушай меня, Дмитрий Петрович, дай себе денька два сроку, сразу ты едва ли что-нибудь найдешь. Перебери все наши сословия да подумай хорошенько над каждым, а мы пока с Максимом будем...

— Надо всем глумиться, — подхватил Дмитрий Петрович.

– Нет, лягушек резать. Пойдём, Максим; до свидания, господа!

Оба приятеля вышли. Братья остались наедине и сперва только посматривали друг на друга.

– Вот вам нынешняя молодежь! – начал наконец Дмитрий Петрович. – Вот они – наши наследники!

– Наследники, – повторил с унылым вздохом Иван Петрович. Он в течение всего спора сидел как на углях и только украдкой болезненно взглядывал на Максима. – Знаешь, что я вспомнил, брат? Однажды я с покойницей матушкой поссорился: она кричала, не хотела меня слушать... Я, наконец, сказал ей, что вы, мол, меня понять не можете; мы, мол, принадлежим к двум различным поколениям. Она ужасно обиделась, а я подумал: что делать? Пилюля горька – а проглотить её нужно. Вот теперь настала наша очередь, и наши наследники могут сказать нам: вы, мол, не нашего поколения, глотайте пилюлю.

– Ты уже чересчур благодушен и скромн, – возразил Дмитрий Петрович, – я, напротив, уверен, что мы с тобой гораздо правее этих господчиков, хотя выражаемся, может быть, несколько устарелым языком, *vieilli*, и не имеем той дерзкой самонадеянности... И такая надутая эта нынешняя молодежь! Спросишь иного: «Какого вина вы хотите, красного или белого?» – «Я имею привычку предпочитать красное!» – отвечает он басом и с таким важным лицом, как будто вся вселенная глядит на него в это мгновение...

— Не нужен ли вам еще чай? — спросила Анна, заглянув в дверь кабинета. Она стеснялась входить, пока внутри продолжался разговор.

— Нет, можно подать самовар, — ответил Сергей и встал навстречу ей. Петр Петрович коротко сказал ему на прощание: «Бонсюр»[1] и ушел к себе в комнату.

Через полчаса Сергей вышел во двор, направившись к своей любимой беседке. На душе у него было тяжело. Впервые он осознал, что разошелся с сыном. Он предчувствовал, что их расхождение будет только усиливаться с каждым днем. Так значит, все его попытки понять молодежь были напрасны? Зимой в Петербурге он целыми днями просиживал над новыми книгами и статьями, стараясь уловить их идеи и мысли. Он радовался, когда ему удавалось сказать свое слово в их горячих дискуссиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.